

Как однажды в сердцах сказал его дядя Гао Мин, если бы Ци Юйчэ, старший принц, не был сыном его родной сестры, он бы не тратил столько сил на то, чтобы вмешиваться в это дело!

По аналогии, если бы отец не собирался воспитывать его как наследника, стал бы он так усердно ругать его?

Думая об этом, Ци Юйчэ всё больше и больше принимал строгость отца.

Когда отец объединил страну и переехал во дворец, его отношение к Ци Юйчэ не изменилось, и он почувствовал себя увереннее. Как бы мать ни ворчала, как бы окружающие ни подстрекали, он не вступал в конфликты с братом Ци Юймином.

Он не был глуп!

Он был старшим сыном императора, будущим правителем страны!

Он должен быть великодушным и терпеливым!

Брат уже давно был оставлен отцом, он скорее сочувствовал ему, чем желал ему зла!

Что касается дворцовых слухов, Ци Юйчэ придерживался принципа «все пьяны, только я и отец трезвы», воспринимая их как представление клоунов.

Только в первые дни после того, как императрица Ван вошла во дворец, Ци Юйчэ немного занервничал.

В конце концов, он тоже читал книги и хорошо понимал, что означают слова «различие между законнорождёнными и детьми наложниц». Он ненавидел свою родню Гао, потому что дети из семьи Гао называли его незаконнорождённым, сыном наложницы, а он не мог ответить.

Ци Юйчэ прекрасно понимал, что хотя он был старшим сыном, женщина, родившая его, не была законной женой отца. Она могла быть его матерью по крови, но не по закону. Он даже не мог называть её матерью при людях, только наедине, в моменты нежности.

Теперь, хотя она получила титул супруги, по сути она оставалась наложницей, над которой стояла императрица.

Его, старшего сына, тоже называли «незаконнорождённым».

Он был всего лишь незаконнорождённым старшим сыном.

Но в то время супруга Гао была ещё более нервной, чем Ци Юйчэ, и не замечала переживаний сына.

А Ци Юйчэ, пользуясь своим юным возрастом и небольшим ростом, бегал по дворцу, не привлекая внимания, и вскоре из разговоров матери и слуг узнал: хотя во дворце появилась императрица, отец никогда не оставался в её покоях на ночь.

Ци Юйчэ, хоть и был молод, знал, что мужчина и женщина должны спать вместе, чтобы родить ребёнка. Если отец не спит с императрицей, она не сможет родить, и во дворце не появится законнорождённый сын, а он, незаконнорождённый старший сын, останется бесспорным наследником.

Ци Юйчэ сразу же успокоился и продолжил жить своей гордой и счастливой жизнью.

До сегодняшнего дня, когда отец дал четверым детям задание и чётко указал, что тот, кто не выполнит его, не сможет стать наследником, Ци Юйчэ внезапно осознал:

Отец никогда не выделял его!

В глазах отца его статус был не более особенным, чем у двух сестёр!

Старший принц почувствовал, что мир рушится.

Ци Юньхэн вообще не думал о том, как его задание повлияет на четверых детей.

Пообедав, он отправил Оуяна обратно в Летний дворец и заодно осмотрел два подарка, которые тот подготовил для его дня рождения.

Как и предполагал Оуян, книги по сельскому хозяйству и инструменты лишь напомнили Ци Юньхэну о том, что тот обещал ему собрать полезные книги, но не вызвали особого восторга.

Узнав от Оуяна, что эти инструменты уже использовались в его усадьбе и действительно были полезны, Ци Юньхэн запомнил это и попросил Оуяна сохранить книги и инструменты, чтобы преподнести их на празднике.

Что касается мягкой кольчуги из золотых нитей и серебра, Оуян отослал слуг и показал её Ци Юньхэну наедине.

Чтобы удобно использовать кольчугу, не теряя её эффективности, управляющий Чжуан заказал деревянный манекен из древесины груши, наиболее нейтральной по свойствам, и «надел» кольчугу на него, а затем поместил манекен в деревянный ящик с отверстиями.

Однако реальные свойства кольчуги было сложно продемонстрировать, и Оуян мог только описать её защитные и ударные эффекты, не вдаваясь в детали изготовления, а затем предупредил:

— Ты можешь попросить кого-то испытать её, но лучше использовать осуждённых, тех, кого не жалко ранить или убить. Ни в коем случае не делай этого сам.

— Откуда это... взялось? — услышав описание, Ци Юньхэн сначала не поверил.

— Не знаю, возможно, это из круга Шэнь Чжэньжэня, — Оуян, конечно, не сказал, что сделал это сам, указав в сторону Тайной обители. — Мои люди обменяли её в чужих землях, и так как они хвалили её до небес, я не мог поверить. К тому же, мне не нужны были такие доспехи, и я просто бросил её в кладовку. Позже, после твоего отъезда, я тоже собирался покинуть столицу, и Су Су, убирая кладовку, нашла её. Из-за её красоты и любопытства Су Су попросила кого-то испытать её, и тогда выяснилось, что это действительно нечто особенное, а не подделка.

Ци Юньхэн не сомневался, что Оуян лжёт или преувеличивает, так как это можно было легко проверить.

Но, внимательно рассмотрев эту кольчугу с переплетением золота и серебра, он закрыл ящик и повернулся к Оуяну:

— Эта драгоценная броня должна остаться у тебя, Чунъянь!

Оуян удивился, хотел сказать, что она создана для обычных людей, а не для культиваторов, и для него она бесполезна, но понял, что не может так объяснить.

Ци Юньхэн продолжил:

— У меня есть армия из миллиона солдат. Если наступит момент, когда они не смогут защитить меня, и я окажусь в опасности, что сможет сделать эта броня? Лишь спасёт меня на время. Лучше оставить её у тебя, чтобы у меня не было забот, и я мог действовать свободно!

Если бы это был кто-то другой, он бы растрогался до глубины души.

Но Оуян только хотел вздохнуть, схватить Ци Юньхэна за воротник и закричать:

«Кто же, чёрт возьми, будет твоей заботой? Лучше бы ты не стал моей заботой!»

Но такие слова не убедили бы Ци Юньхэна, и Оуян не мог предоставить доказательства, поэтому ему пришлось сдержать гнев и действовать иначе.

— Даже с армией в миллион солдат ты не сможешь прятаться, как я! — серьёзно сказал Оуян.

— Эта броня лучше всего подходит для использования на публике, когда нужно быть в первых рядах. Если я окажусь в такой ситуации, я могу спрятаться, не беспокоясь о своей репутации. Но ты так не сможешь.

— Кроме того, эта броня, хоть и удивительна, не идеальна. После нескольких использований она теряет свои свойства и становится обычным золотом и серебром. Когда Су Су впервые обнаружила её свойства, она использовала её до тех пор, пока они не исчезли, но через несколько месяцев они восстановились. — Не дав Ци Юньхэну ответить, Оуян продолжил:

— Поэтому её можно использовать только в предсказуемых ситуациях, а в остальное время лучше хранить. Я решил подарить её тебе, потому что она мне не нужна!

Услышав это, Ци Юньхэн больше не сопротивлялся, взял Оуяна за руки, и его лицо стало мягким, как весенняя вода.

— Чунъянь, будь спокоен, я запомню твою заботу и буду беречь эту броню, используя её с осторожностью.

— Не сердись, что я вспомнил о подарке только сейчас! — полуправдиво сказал Оуян. — Десять лет назад, когда ты уезжал, я действительно не знал, что это не подделка.

Правда в том, что десять лет назад никакой кольчуги из золотых нитей и серебра не существовало, и только после отъезда из столицы у Оуяна появилось время и желание создать её.

— Разве в твоих глазах я такой мелочный? — притворно рассердился Ци Юньхэн.

«Все императоры такие», — ответил Оуян про себя.

[нет]